

XXVI конференция
памяти В.Д. Королюка

ОБРАЗ ВОЙНЫ
В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ СЛАВЯНСКИХ
НАРОДОВ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2012

ВОЙНА ВО ВРЕМЯ МИРА: ВОСПРИЯТИЕ ЛОКАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В ОСМАНСКОЙ МАКЕДОНИИ XVI–XVII вв.

Историко-географическая область Македония (в границах одноименного современного государства и сопредельных районов Греции, Болгарии и Албании) попала под власть Османского государства на рубеже XIV и XV столетий. Перед этим данная историко-географическая область на протяжении двух веков многократно переходила из рук в руки: ее отдельными районами владели византийские, болгарские, сербские и албанские правители. Ослабленная и истощенная, Македония была сравнительно легко захвачена османами и за несколько десятилетий стала глубоким тылом европейского наступления османских войск. Местная администрация с помощью различного рода военно-полицейских мер успешно поддерживала стабильность македонских санджаков, исправно снабжавших продовольствием, конями, оружием и порохом действующую армию и столичный округ.

На рубеже XV и XVI веков в македонских санджаках начался демографический рост, сопровождавшийся быстрым развитием городских центров. Рост производительных сил, иммиграция специалистов-ремесленников из других средиземноморских областей и ставший доступным широкий внутренний рынок империи способствовали появлению новых форм производства, интенсификации процессов внутренней колонизации, становлению новой ориентальной городской культуры.

Удивительная эффективность государственного аппарата позволяла чуждой христианскому большинству мусульманской верхушке достигать своих целей при опоре на небольшой полицейский корпус и дискриминационное законодательство. Так, за весь XVI век в Македонии произошло лишь крупное выступление христианского населения (т.н. Мариовское восстание), сводившееся к недовольству крестьян повышением налогов в связи с революцией цен и мгновенно подавленное местными мусульманами.

Лояльность христианского большинства была продиктована рядом административно-полицейских мер. За исключением отдельных привилегированных групп (мартолосов, дервенджи и войнуков), ограничивались права христиан на ношение оружия и на передвиже-

ние верхом. Трудовая и янычарская повинность изымала из христианской среды потенциально беспокойную безработную молодежь, инкорпорируя ее в имперские институты. Это делало невозможным возникновение значительного восстания на македонских землях.

Однако внешней стабильности мирного сосуществования противоречил внутренний кризис македонского общества, проявлявшийся в многочисленных локальных противоречиях и конфликтах.

Локальные конфликты были обусловлены стечением ряда исторических особенностей македонских земель. Данную территорию отличала исключительная разнородность этнических и религиозных общин, вынужденных сосуществовать и вступать в постоянное взаимодействие на ограниченной территории. Проблемы межэтнических контактов особенно обострились в рассматриваемый период по причине массовых миграций. Тюркские колонисты занимали наилучшие земельные участки. Значительные группы горных скотоводов переходили к земледелию и были вынуждены тем или иным способом перераспределять земли в свою пользу. Появление и существенный рост за счет новообращенных местной исламской общины приводил к разрыву прежде сложившихся семейных и соседских связей.

Доступные источники не позволяют сделать вывод о преимущественно насильственном характере разрешения локальных конфликтов. В ряде случаев помогало посредничество местных властей, директивным образом улаживавших некоторые споры, преимущественно, земельные, но чаще македонское общество само находило выход из конфликтных ситуаций в широко применявшихся принципах круговой поруки и более архаичной кровной мести, что позволяло перевести большинство споров в обмен материальными уступками.

Об общественных настроениях того времени известно сравнительно мало, но как христианские, так и мусульманские по происхождению источники в значительной степени искажают, упрощают и мифологизируют действительность, рассматривая локальные конфликты в дискурсе незатихающей «горной» войны христианских повстанцев (гайдуков и арамиев) против местной администрации и поддерживающего их мусульманского меньшинства.

Подобные взгляды можно встретить в дипломатической переписке Охридских архиепископов, убеждавших Габсбургов и Венецию в напряженной ситуации в Македонии, угрожавшей перерасти в общее восстание. Известный путешественник Эвлия Челеби с определенной тревогой описывал свой личный опыт участия в «горной» войне – в облаве мусульманских ополченцев («охоте») на гайдуков в районе Беласицы. Многочисленные акты материалы местных канцелярий

подтверждают значительную обеспокоенность Стамбула постоянной опасностью на горных коммуникациях, прежде всего в местности Качаник на границе Македонии и Косова. Появление житий новомучеников также говорит об остроте межрелигиозной напряженности между мусульманской и христианской общинами, хотя ни одно из новомученичеств не привело к значительным беспорядкам. Наконец, памятники славянского фольклора выводят противостояние на эпический уровень, наделяя гайдуков чертами народных заступников, наносящих властям унижительные и опасные удары. Многие исторические личности периода османского завоевания переосмыслились как обобщенные эпические образы косовского цикла и сказаний о крале Марко.

Возникает парадоксальное противоречие, когда период внутренней стабильности в македонских землях сопровождался настолько сильным общественным напряжением.

Первая возможная трактовка объясняет искажение общественного сознания преобладанием религиозной самоидентификации. Значимость религиозного фактора в самоопределении османских подданных, доказанная ведущими отечественными и зарубежными авторами, проистекала из самого теократического характера империи и государственно-правового устройства. Вероятно, локальный конфликт фиксировался в сознании (и, соответственно, упоминался в источниках) лишь в том случае, когда мог быть проинтерпретирован в категориях религиозной войны. В частности, случаи нападений христиан на мусульман, мусульман на христиан и христиан на иудеев упоминаются в нарративных и фольклорных источниках сравнительно чаще, чем конфликты единоверцев, редко выходявшие за пределы общины. Таким образом, религиозное самосознание в обществе влияло на авторов источников, привлекая их внимание лишь к случаям межконфессиональных конфликтов в ущерб иным локальным противоречиям.

Вторая интерпретация отмеченного парадокса сводится к предположению, что конфликтность общины воспринималась в изучаемый период не только как негативное, но и как позитивное явление. Приоритет конфессионального самосознания придавал участникам межконфессиональных конфликтов определенный престиж ревнителей веры по сравнению с единоверцами. Поскольку издержки самих общин от конфликтов были слишком велики, эта роль отводилась гайдукам, формально ставившим себя вне родных общин, но в действительности существовавшим при непосредственной поддержке породившего их общества.

Социальные корни гайдучества кроются в значительном количестве маргиналов, возникших в обществе при сочетании демогра-

фического роста и аграрного перенаселения. Часто в гайдуки шла безработная молодежь, для которой подобный шаг был своеобразной возрастной инициацией перед возвращением в родную общину в качестве полноправных членов. Как и в других традиционных обществах, инициация должна была нести не столько формальный, сколько религиозный смысл принятия посвящаемого как равного другим сообщинникам. Поэтому локальные конфликты должны были повторять или имитировать некую «образцовую» войну в исторической памяти общины. Так как в Македонии с XV века длился прочный мир, то последняя значимая веха памяти и для мусульман, и для христиан представляла османское завоевание. Вероятно, поэтому общественное сознание сознательно или бессознательно интерпретировало новые конфликты как повторение мифологизированных войн эпохи османского нашествия. Это привело к искажению источников, обобщающих каждое конкретное описание локального казуса в контексте извечного межконфессионального противостояния.

Последнее из возможных объяснений состоит в излишней модернизации со стороны историографии понятия насилия, встречаемого в источниках. Описания взаимных жестокостей в ходе горной войны вступают в очевидные противоречия с современными представлениями о законности, универсальности права, ценности человеческой жизни. Многие из прошлого видятся как провозвестник грядущих этнорелигиозных конфликтов Нового и Новейшего времени. Между тем, для общества Позднего Средневековья рассматриваемый уровень локального насилия, возможно, был вполне допустим для мирного времени и не выходил за рамки традиционного горного разбойничества, известного в Македонии задолго до османского завоевания, по крайней мере, со времен Кекавмена. Нельзя забывать об имущественном неравенстве мусульман и христиан, вследствие чего многие из бытовых криминальных актов в османских условиях приобретали значение межконфессиональных конфликтов.

В заключение следует оговорить, что изучение общественного сознания может считаться полноценным лишь при условии наличия достаточного количества нарративных источников, что в отношении Македонии рассматриваемого периода представляет значительную проблему. По этим причинам высказанные предположения призваны помочь реконструкции лакун македонского прошлого и привлечь внимание исследователей к парадоксу расхождения объективной реальности и ее интерпретации в источниках. Возможно, более широкий балканский контекст поможет прояснить появление данного феномена.